

нако наиболее подробное противопоставление обоих жанров содержится в биографии Константина Мономаха. «... Как же я преступлю законы истории и буду следовать законам энкомия, — пишет Пселл, — и, как бы забывая о собственном замысле или пренебрегая искусством, не буду проводить грани между произведениями (μη διακρίνων τὰς ὑποθέσεις) и стану сводить к единой цели то, чье назначение различно (ὄν διάφοροι οἱ σκοποί)». Объясняя далее, почему он писал раньше энкомии в честь Константина, и оправдывая льстивость своих прежних панегириков, Пселл раскрывает специфические особенности метода энкомиаста. Константину свойственны как хорошие, так и дурные качества. Однако, создавая энкомией, Пселл «отбрасывает дурное, выбирает только хорошие свойства, соединяет их в своем порядке (ἐναρμόζω τὰτα κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν), склеивает их и тклет славословия из одних добродетелей»¹⁴. И дальше: «Пишущий энкомий закрывает глаза на дурные свойства, присущие человеку, в честь которого создается произведение, и сплетает ему хвалу из одних его хороших свойств. Если же у этого лица много противоречивых качеств, риторю достаточно и одного доброго дела, чтобы иметь достаточный материал для энкомия. А бывает, что энкомиаст так софистически подает дурные свойства, что превращает их в источник славословия. Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, он не склоняется ни в ту, ни в другую сторону, в своих произведениях все меряет равной мерой, не применяет мудрости ни для хороших, ни для дурных»¹⁵.

Приведенные рассуждения имеют определенный интерес для характеристики представлений о литературных жанрах и нуждаются в комментарии. Главное различие между обоими жанрами Пселл видит в различии целей (σκοποί) истории и энкомия. Как известно, значительная часть литературных произведений в Византии имела прикладное значение, и естественно поэтому, что разграничение жанров определялось внелитературными критериями. Главными оказывались не художественные признаки, а назначение сочинения: восхваление — для энкомия, объективное изложение событий для истории¹⁶. Однако различие целей определяет и различие применяемых литературных средств. Смешение жанров, по Пселлу, означает не только отход от собственных замыслов, но и пренебрежение искусством. В отличие от историка, энкомиаст пишет «софистически», он выбирает только добродетели, которые соединяет «в своем порядке». Последнее замечание особенно интересно. Переводчики «Хронографии» понимали выражение κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν в значении «в надлежащем порядке»¹⁷. Наш перевод «свой», «собственный» (т. е. привнесенный автором) передает основное значение прилагательного οἰκεῖος и выражает смысл высказывания писателя. Иными словами, панегирист из положительных качеств своего героя создает некий «каталог добро-

¹⁴ См. Chron., I, p. 129—130. Любимец Константина Мономаха Пселл был многим ему обязан и в свое время написал в его честь несколько панегириков. Давая в «Хронографии» критическую характеристику своему бывшему покровителю, писатель считает нужным объяснить эту свою позицию требованиями жанра исторического сочинения. Поэтому и появляются рассуждения о жанрах истории и энкомия.

¹⁵ Chron., II, p. 150.

¹⁶ Ср. наблюдения Д. С. Лихачева над системой литературных жанров древней Руси: «Литературные жанры древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни. Они возникают не только как разновидности литературного творчества, но и как определенные явления древнерусского жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова. И дальше: «... Жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 48—49).

¹⁷ Dans l'ordre convenable (Е. Рено), putting it in proper order (Сьютер).